

Л. Г. Пономарева (Пермь)

А. С. Кривошекова-Гантман и проблемы грамматики коми-пермяцкого языка

Антонина Семеновна Кривошекова-Гантман – видный коми-пермяцкий языковед, кандидат филологических наук – принадлежит к числу тех немногих ученых, кто стоял у истоков зарождения коми-пермяцкой лингвистической науки. Круг ее научных интересов охватывает в основном следующие разделы коми-пермяцкого языка: а) ономастику; б) грамматику; в) диалектологию; г) лексикологию и фразеологию; д) словообразование; е) проблемы контактирования языков. Центральное место в ее исследованиях, безусловно, занимают вопросы коми-пермяцкой ономастики. Данному разделу языка ученым посвящено более 44 работ разного объема.

Не последнее место в ее научной деятельности занимают вопросы коми-пермяцкой грамматики. К проблемам грамматики Антонина Семеновна обратилась еще будучи студенткой Ленинградского государственного университета (см. статью: «К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на *-а* в коми языках» Л., 1948). Некоторые аспекты этой области языкознания нашли отражение и в ее кандидатской диссертации «Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка» (Л., 1952). В последующем определенным моментам коми-пермяцкой грамматики ею были посвящены свыше 15 научных статей. Соответствующие обобщения были сделаны в вузовской коми-пермяцкой грамматике [КПЯ 1962].

Все работы по проблемам грамматики написаны А. С. Кривошековой-Гантман в трех аспектах: 1) на чисто коми-пермяцком материале; 2) в сравнительном плане с близкородственными языками и 3) в сопоставлении с русским языком.

В ракурсе первого аспекта написаны следующие статьи: «К вопросу о категории имен прилагательных в коми-пермяцком языке» [1956а], «Изобразительные слова» [1962], «Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка» [1964]. Подобное изложение материала было адресовано в первую очередь учителям национального языка. Об этом говорит название сборника (В помощь учителю [1956а, 1962]), где были опубликованы первые две статьи ученого.

В сравнении с близкородственными языками освещены вопросы, касающиеся отдельных моментов как морфологической системы коми-пермяцкого языка («К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на *-а* в коми языках» [1948], «К вопросу о категории имен числительных в коми-пермяцком языке» [1956б], «О грамматизации самостоятельных слов (на материале пермских языков)» [1967а]), так и

синтаксического строя данного языка («Порядок слов коми-пермяцкого языка в сравнении с удмуртским» [1967б], «О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы)» [1969]). Данные других финно-угорских языков А. С. Кривошекова-Гантман приводит в редких случаях для объяснения происхождения тех или иных языковых явлений, например при рассмотрении вопроса о коми-пермяцких исконных числительных [1956б], при освещении истории происхождения образований на *-а* — сначала существительных — абстрактных названий свойств, потом сопоставительных прилагательных, наконец (у коми-зырян) сопоставительных послелогов лексической службы [1948].

Сопоставление грамматических особенностей коми-пермяцкого языка с фактами русской грамматики нашло отражение в работах: «Порядок слов в коми-пермяцком языке» [1967в], «Развитие синтаксиса сложного предложения коми-пермяцкого языка» [1974а], «Новая жизнь частицы *БЫ*» [Кривошекова-Гантман, Новикова 1974] и «Влияние русского языка на коми-пермяцкий в области синтаксиса» [1974б].

В первой статье, из серии грамматических, А. С. Гантман выделяет этапы перехода абстрактных существительных на *-а* (типа *сувда*, *наськыта*, *ыжда* и др.) сначала в сопоставительные прилагательные, а затем в разряд послелогов лексической службы. В итоге, по мнению ученого, конечный этап прослеживается только в коми-зырянском языке, где указанные слова потеряли свою изначальную семантику: *ыджта* стало использоваться не только по отношению к чему-либо большому, но и по отношению к чему-либо малому, напр.: *гõра ыджта керка* 'дом большой с гору' и *нõра ыджта керка* 'дом большой с нору'. В коми-пермяцком языке, согласно А. С. Кривошековой-Гантман, подобный процесс не получил развития: нельзя сказать *анькыти ыжда картовка* 'большой размером с горох картофель', можно только — *анькыти поснита картовка* 'мелкий размером с горох картофель', т. е. в словах вроде *ыжда*, *поснита*, *сувда* и др. не забыто их лексическое значение. По мнению исследователя, в этих случаях образования на *-а* прошли только первый этап, перешли в разряд прилагательных: могут выступать как в функции определения, так и сказуемого, напр.: *анькыти поснита картовка* 'с горох мелкий картофель' (*поснита* — определение) и *картовкаыс — анькыти поснита* 'картофель — с горох мелкий' (*поснита* — сказуемое).

Однако, учитывая фактический материал современного коми-пермяцкого языка, а также новые диалектные данные, можно сказать, что сегодня в коми-пермяцком языке дальнейшее развитие образований на *-а* имеет место.

Слова вроде *ыжда*, *кузя*, *вылына* и др. в сочетании с существительными начинают терять свое изначальное лексическое значение, как это происходит и в коми-зырянском языке, напр.:

Примеры-предложения:

Ва пытиксаянса, дзик нывкалӧн сӧдз голубой синнэзӧн видзӧтчисӧ **пелькытши ыжда** (вместо нужного **учӧта**) *галяоккез, кӧдна шондӧ вылас быднӧж ӧгралисӧ* (Баталов). 'Со дна воды, будто чистыми голубыми глазами девушки, смотрели **большие** (вместо **маленькие**), размером с сережки, гальки, которые на солнце по-всякому сверкали'.

И сэтчӧдз курччавлас, кытчӧдз тороккес **боби ыждаӧдз** (вместо **поснитӧдз**) *оз лоӧ* (Сказки). 'И до тех пор разжевывает, пока части **большие** (вместо **мелкие**) размером до величины боба не будут'.

При этом, как показывают примеры, противоположное (уменьшительное) значение у этих слов проявляется при использовании определенных грамматических средств как в рамках самого послелого, так и в его синтаксическом окружении. Это проявляется в следующем:

а) названные образования могут присоединять к себе суффиксы с деминутивным значением (-ыш(т), -ышта, -ышки, -очки, -очка), т. е. возможны случаи вроде **ыждыш(т), ыждышки, ыждочка** вместо ожидаемого **поснита, поснитышта, поснитышки, посниточки; съӧкытышта, съӧкытышки, съӧкыточки** вместо ожидаемого **кокнита, кокнитышта, кокнитышки, кокниточки; вылыныш(т), вылынышки, вылыночки** вместо ожидаемого **лажмыта, лажмытыш(т), лажмытышки, лажмыточки** и др.

Примеры-предложения:

Ме бордтыв съӧкыточки (вместо **кокнита**), *пукся, дак и пыжыс оз вӧрзы* (Сказки). 'Я **тяжеленький** (вместо **легкий**) с перо (птицы), сяду, и лодка не тронется'.

— *Меным позяс я?... Учӧликӧ то видза тӧдвылам, дженыликӧ. — Чаль кузяӧ? — Серӧв ыждочкиӧ* (вместо **поснитӧ** либо **учӧтаӧ**) (Климов). 'Можно ли мне? ... Маленькое вспоминаю, коротенькое. — Длиной с палец? — **Большенькое** (вместо **мелкое** либо **маленькое**) с гниду'.

О случаях возможного употребления в коми-пермяцком языке суф. **-ышт** с подобными образованиями Кривошековой-Гантман вскользь было замечено в статье «О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы)» [1969];

б) объект сравнения, либо имя предмета, с которым происходит сопоставление, могут приобрести уменьшительный суффикс, напр.: **пелькытши ыжда** *галяоккез* 'гальки **большие** с сережки'; *пань ыжда гӧрокӧн* 'плужком **большим** с ложку'. Следует отметить, что деминутивный формант может присутствовать и в двух, и даже во всех трех компонентах указанной конструкции, напр.: *шырок ыждышта* 'большенький с мышку', *панӧк ыждышки гӧрок* 'плужок **большенький** с ложечку' и др.;

в) значение, противоположное лексическому, послелоги могут приобрести при употреблении в конструкции отдельных лексических единиц со значением уменьшительности, напр.: *кӧть бы чунь кузя* 'хоть бы длиной с палец', *пань ыжда только* 'большой с ложку **только**'.

В статье «К вопросу о категории имен прилагательных в коми-пермяцком языке» [1956а] А. С. Кривошекова-Гантман впервые в коми-пермяцком языке четко отграничивает грамматическую категорию степеней сравнения имени прилагательного от грамматической категории степеней качества, выделяет возможные способы передачи указанных категорий. К сожалению, эти теоретические положения не были учтены при составлении вузовской коми-пермяцкой грамматики [КПЯ 1962]. Г. А. Нечаев, написавший раздел по прилагательному в коми-пермяцкой грамматике, тоже разграничивает понятия степеней сравнения и качества имени прилагательного. Однако при описании способов образования суперлатива и интенсива прилагательного им допущена неточность: сочетания имени прилагательного с усилительными слова типа *дзирс*, *дзар*, *чим* понимаются автором как способы передачи значения превосходной степени, хотя в действительности они являются показателями интенсива. Подобная ситуация наблюдается и в прилагательных, представляющих собой повтор основной формы [КПЯ 1962: 216]. А. С. Гантман в вышеназванной статье не ограничивается данной проблемой. Здесь же Антонина Семеновна замечает, что разделение прилагательных на качественные и относительные в коми-пермяцком языке носит условный характер. По ее мнению, многие относительные прилагательные могут переходить в разряд качественных и могут иметь все степени сравнения и качества. Заметим, что данный вопрос до сих пор не получил однозначного толкования не только в коми-пермяцком языкознании, но и в пермистике в целом.

Заслуживает должного внимания вопрос о грамматикализации самостоятельных слов. Эта тема нашла отражение в двух статьях А. С. Кривошековой-Гантман: «О грамматизации самостоятельных слов (на материале пермских языков)» [1967а] и «О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы)» [1969]. При освещении данного вопроса прослеживается следующего характера основная мысль: грамматикализация самостоятельных слов происходит крайне неравномерно как в пределах родственной группы языков, так и внутри конкретной языковой системы. Так, если слово *пиян* с первоначальным значением 'детеныш' в коми-язьвинском языке полностью перешло в суффикс с семантикой уменьшительности (здесь формант *-пян* может присоединяться к любому существительному), то в литературных коми языках оно в подобной функции не встречается. Слова *лун* 'день' и *пу* 'дерево' перешли в разряд суффиксов только в коми-зырянском языке, напр.: кз. *лёлун* 'злость', *мичлун* 'красота', *дбрёмпу* 'материал на рубашку', *царту* 'кандидат в цари' и т. д. В коми-пермяцком же языке слово *пу* может выступать только в качестве самостоятельного слова и как второй компонент сложного слова (*пу* 'дерево', *лдьмпу* 'черемуха'). Равным образом лексема *лун* в языке коми-пермяков употребляется как самостоятельная лексема и в композитах (*лун* 'день', *мёдлун* 'послезавтра'). О неравномерности развития данного процесса внутри отдельного языка говорят следующие коми-

пермяцкие примеры: если *жу́г* 'мякина' полностью перешло в разряд суффикса со значением 'пренебрежительности', то слово *тор* 'часть' находится в процессе перехода (только в редких случаях можно сказать *йёвтор* 'молочко', *тёвтор* 'ветерок' и др.). Примеры на рассматриваемое явление можно продолжить. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, «полнозначное слово на пути к превращению в форматив проходит следующие ступени: 1) частое употребление в качестве второй части подчинительного словосочетания; 2) пребывание в роли второго компонента сложного слова; 3) превращение в суффикс» [1969].

Следующая грамматическая тема, которая отражена в работах А. С. Кривошековой-Гантман, – это изобразительные слова, представленные довольно богато не только в коми-пермяцком, но и в других пермских языках. Рассматривая данный лексико-грамматический класс, ученый не только группирует мимемы по значению, описывает фонетическую и морфологическую структуру, указывает на их словообразующую роль, но и поднимает вопрос о месте подобных слов в системе частей речи. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, «семантическая и грамматическая природа изобразительных слов полностью исключает возможность отнесения их как к категории наречий, так и к категории междометий, и дает все основания для выделения в особый лексико-грамматический разряд» [1964]. К сожалению, в дальнейшем данная тема не получила должного освещения, и до сих пор ждет своего исследователя.

А. С. Кривошекова-Гантман не обошла своим вниманием и такую интересную часть речи, как глагол. В одной из работ, а именно в статье «Новая жизнь частицы *бы*» [1974], написанной в соавторстве с Л. И. Новиковой и посвященной анализу функций частицы *бы* в русском и коми-пермяцком языках, Антонина Семеновна приходит к такому выводу: сочетания частицы *бы* с глаголами в настоящем и будущем времени являются своеобразной коми-пермяцкой инновацией (не имеющей параллелей в русском языке) и выражают исключительно значение желательности без каких-либо семантических оттенков, т.е. представляют собой способ передачи желательного наклонения. Вопрос о возможном наличии в коми-пермяцком языке желательного наклонения А. С. Кривошековой-Гантман был поднят еще в ее кандидатской диссертации [Гантман-Кривошекова 1952].

Принимая во внимание данные Антонины Семеновны относительно способов выражения желательного наклонения в рассматриваемом языке, а также учитывая современный языковой материал, мы должны согласиться с тем, что конструкция глагол в презенсе + частица *бы* действительно выражает исключительно желание деятеля (*Ме баута бы тэкёт* (Климов). 'Я хочу поговорить (я поговорю бы) с тобой'). Что касается утверждения ученого относительно выражения дезидератива посредством конструкции глагол в будущем времени + *бы*, то оно не нашло своего подтверждения. Подобные конструкции встречаются только в фольклорных текстах, причём

лишь там, где будущее время употребляется в значении прошедшего (*futurum historicum*), напр.: *Ошка сы увтот бы уйышмас да сюррезнас кышасяс* (Сказки). 'Бык под ним хотел (букв. захочет) проскочить, но рогами зацепился (букв. зацепится)'. По нашему мнению, значение желания выражается в коми-пермяцком языке также и другими способами, как грамматическими, так и лексическими.

На грамматическом уровне желание деятеля передается сочетанием инфинитива, а также глаголов в форме прошедших времен с частицей *бы*, напр.: *Котъ отпыр бы кайлыны [малинавны]* (Климов). 'Хоть *бы* раз сходить [по малину]'; *Югдандорөдз дзуркөтис диваннас — сё бы лёсьөтчис бытшөмика, паокжыка пуктис ольпасьө кикок да адззис бы небытжык подушка дор* (Климов). 'До утра он скрипел диваном, все хотел получше устроиться, поудобнее разместить на постели руки и ноги и найти край подушки помягче'; *Ся тэкөт өддьөн здорөйтчөма бы, вот и лэбтисьөма вылжөжык, — висьталис дед* (Климов). 'Он, видимо, очень хотел с тобой поздороваться, вот и подрост (речь идет о грибе)'.

На лексическом уровне: с помощью глаголов *мөдны*, *окотитны* 'хотеть' во всех временах, а также посредством конструкции, состоящей из модального слова *охота* с инфинитивом, напр.: — *Мөда ме гөтрасьны ...* (Сказки) 'Я хочу (намереваюсь) жениться'; *И пуыслө эд кыз охота овны!* (Баталов) 'Ведь и дереву так хочется жить!' При этом изредка встречаются и сочетания *мөдны*, *окотитны* и *охота* с частицей *бы*, напр.: *Поди, окотитан бы баняын пывсьыны, менам тэ понда нагладь лонтөма* (Сказки). 'Может, ты в баню желаешь сходить, у меня как раз для тебя истоплена'.

Таким образом, в связи с вышеизложенным, на наш взгляд, следует еще раз обратить внимание на проблему выделения наклонений в коми-пермяцком языке. При этом необходимо принять во внимание достаточно высокую регулярность и частотность употребления форм, несущих соответствующие грамматические значения.

Работы А. С. Кривошековой-Гантман, посвященные проблемам синтаксиса, охватывают обе синтаксические единицы языка, как словосочетание, так и предложение. Словосочетанию уделяется внимание в двух ее статьях. Одна из них («Порядок слов в коми-пермяцком языке» [1967в]) написана на коми-пермяцком материале в спорадическом сопоставлении с данными русского языка. Вторая («Порядок слов коми-пермяцкого языка в сравнении с удмуртским» [1967б]) посвящена рассмотрению особенностей коми-пермяцкого словосочетания в сравнении с близкородственным удмуртским языком. Рассматривая словосочетания коми-пермяцкого языка, ученый обращает особое внимание на порядок слов в указанных синтаксических конструкциях, поскольку порядок слов в коми-пермяцком, как и в других агглютинативных языках, во многих случаях является единственным средством выражения синтаксических связей между словами в словосочетаниях и предложениях. Наиболее интересны замечания исследователя о порядке слов в определительных словосочетаниях.

В частности, от положения числительного по отношению к определяемому слову зависит выражение точного либо приблизительного счета (*кык морт* 'два человека' и *морт кык* 'человека два'). Из местоположения прилагательного вытекает его синтаксическая роль – в положении перед определяемым словом оно является определением, а в постпозиции – сказуемым (*ыджыт керку* 'большой дом' – *керку ыджыт* 'дом большой'). В подобных случаях интересен и тип связи в словосочетании (здесь может быть согласование либо примыкание). Рассмотрение порядка слов в указанных синтаксических конструкциях, проведенное в сравнительном плане, дало возможность отметить индивидуальные пути развития словосочетаний в близкородственных языках.

Из предикативных единиц А. С. Кривошекова-Гантман обращает внимание, прежде всего, на сложное предложение. Она отмечает, что развитие разных видов сложного предложения происходит не только под влиянием экстралингвистических факторов, в частности под влиянием русского языка, но и в результате внутренних законов, заложенных в предшествующие эпохи.

Таким образом, все темы, выделенные А. С. Кривошековой-Гантман, безусловно, являлись актуальными для коми-пермяцкого языкознания, которое, можно сказать, только зарождалось. Многие проблемы, поднятые ученым, до сих пор продолжают оставаться открытыми не только в коми-пермяцком языкознании, но и в пермистике в целом.

Список литературы

Гантман-Кривошекова, А. С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Гантман-Кривошекова. – Л., 1952.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология / под ред. и при соавт. проф. В. И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Кривошекова, А. С. К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на *-а* в коми языках / А. С. Кривошекова // Советское финно-угроведение. – Л., 1948. (Уч. зап. ЛГУ. – № 105. – Серия востоковедческих наук. – Вып. 2.). – С. 250-256.

Кривошекова-Гантман, А. С. К вопросу о категории имен прилагательных в коми-пермяцком языке / А. С. Кривошекова-Гантман // В помощь учителю. – Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1956а. – С. 28-47.

Кривошекова-Гантман, А. С. К вопросу о категории имен числительных в коми-пермяцком языке / А. С. Кривошекова-Гантман // В помощь учителю. – Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1956б. – С. 48-63.

Кривошекова-Гантман, А. С. Изобразительные слова / А. С. Кривошекова-Гантман // В помощь учителю. – Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. – С. 44-70.

Кривошекова-Гантман, А. С. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка / А. С. Кривошекова-Гантман // Вопросы

финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 112-121.

Кривошекова-Гантман, А. С. О грамматизации самостоятельных слов (на материале пермских языков) / А. С. Кривошекова-Гантман // Вопросы финно-угорского языкознания. – Вып. IV. – Ижевск, 1967а. – С. 114-122.

Кривошекова-Гантман, А. С. Порядок слов коми-пермяцкого языка в сравнении с удмуртским / А. С. Кривошекова-Гантман // СФУ. – 1967б. – № 4. – С. 267-274.

Кривошекова-Гантман, А. С. Порядок слов в коми-пермяцком языке / А. С. Кривошекова-Гантман // Ученые записки ПГПИ. – Т. 43. – Вып. 3. – 1967в. – С. 158-182.

Кривошекова-Гантман, А. С. О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы) / А. С. Кривошекова-Гантман // Ученые записки ПГПИ. – Т. 66. – 1969. – С. 54-73.

Кривошекова-Гантман, А. С. Новая жизнь частицы БЫ / А. С. Кривошекова-Гантман, Л. И. Новикова // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – Вып. 1. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1974. – С. 44-52.

Кривошекова-Гантман, А. С. Развитие синтаксиса сложного предложения коми-пермяцкого языка / А. С. Кривошекова-Гантман // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – Вып. 1. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1974а. – С. 5-19.

Кривошекова-Гантман, А. С. Влияние русского языка на коми-пермяцкий в области синтаксиса / А. С. Кривошекова-Гантман // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. – Петрозаводск, 1974б. – С. 87-89.